

16 ИЮНЯ 1889 года на заседании иркутского губернского суда рассматривалось весьма интересное дело по обвинению помощника присяжного поверенного Владимира Васильевича Птицына «в оскорблении ругательными и поносительными словами» исполняющего должность иркутского губернатора. Инцидент уже рассматривался в окружном иркутско-верхоленском суде, там Птицына и приговорили к штрафу в 100 рублей. Но такой исход не устраил ни его самого, ни господина губернского прокурора, и обе стороны подали апелляции в суд высшей инстанции.

Что же до обстоятельств дела, то вот как их представляла местная пресса. В 1888 году на одно из заседаний иркутской городской думы вынесен был вопрос о рубке зданий городской полиции. И господа гласные оказались на столь непримиримых позициях, что возникла необходимость, «успокоения», дошедшие даже до взаимных оскорблений. Сторонники субсидии сослались между прочим и на ходатайство исполняющего должность иркутского губернатора, но гласные недовольны, «в документе, нашел его «более чем голословным, более чем несообразным». Секретари и это зафиксировали, а на следующем заседании гласные утвердили протокол, который и послужил основанием для привлечения помощника присяжного поверенного к судебной ответственности.

Жества самонадеянности

Волну погнало губернское по городским делам присутствие, оскорбившись за своего патрона. Но к внимательному чтению протокола члены с Шелашниковской улицы могли, конечно, и подолжтуть – Птицын легко обзаводился недоброжелателями и в свое время много напавал на управских. Теперь же ему самому потребовался адвокат.

Выступил в этой роли кто-нибудь из коллег, он бы, верно, поискал опровержений в общей разгарающей дискуссии, проявив, пожалуй, вполне осознание протокола, обратил внимание, что фамилия и должность губернатора не назывались, а значит, и критика не была персонализирована. И вообще могло быть сказано, что подданный стал в известном смысле заложником собственного профессионализма, прибегнув к обычным в апелляциях оборотам.

Но судебный стал жертвой собственной самонадеянности, пожелав защищать себя сам. И сразу взял неверную интонацию: «Обидчивость начальника губернии сводитесь к желанию лишь о его чрезвычайных выщках. Кроме того, значительное участие и поносительства» не являются уголовно наказуемыми деяниями, на что указывают и вышедшие теоретик права».

Но члены губернского суда устояли перед авторитаризмом, решив, что смиренное заключение и поносительства» не являются уголовно наказуемыми деяниями, на что указывают и вышедшие теоретик права».

– Кстати, поразительны и о действительности расширени, и в том, что уже из протокола до бавии губернский прокурор.

Нелётные качества

Птицын густо покраснел: он был застигнут врасплох нападением о недавнем конфликте с адвокатом Дмитриевым. А дело в том, что Владимир Васильевич опубликовал в «Восточном обозрении» одну непроверенную историю о некоем Д., якобы уличенном в мошенничестве и получившем новое повышение. Место службы Д. при этом указывалось, и там не было других работников, у которых фамилия начиналась бы на ту же букву. Коротко говоря, А.С. Дмитриев, адвокат, направил иск об оскорблении. Птицын обратился к своим источникам, и очень скоро выяснилось, что все слухи о Д. – совершенно вымышлены. Пришло публично признать, что «был введен в заблуждение». Правда, к немалому удивлению прокурора оскорбленный Дмитриев заявил, что не может дальше настаивать на обвинении и готов примириться. А все решила иначе, бывшая накануне: Птицын пришел к коллеге покаяясь, и услышав в ответ неожиданное: «Как же вы меня разочаровали, Владимир Васильевич! Какому-нибудь пать лет назад я на вас чуть ли не молился...»

Большие надежды

Да, в начале 1880-х в иркутской прокураторской среде явно выделялся призывный кандидат права Птицын, хорошо образованный, очень работоспособный и безусловно честный. Кто-то умилялся ему, но кто-то и выдал: «Есть то что он – человек хороший, но я взыл бы те 20 тысяч рублей, кои предлагали ему за покрытие дела об убийстве, да и отдал половину себе убитого. И اسمه хорошо бы, и ему хорошо. А вышло-то всем без пользы, вполне заменяющих им и сердце.»

Птицын и в самом деле отличался юношеской порывистостью, но строго-то говоря, приближался уже к тридцати годам. И наставники у него были, правда, не из судейской, а из пишущей братии. Как многие университетники, он поддал под влияние Михаила Салтыкова-Щедрина и Глеба Успенского, а приехав в Иркутск, первым делом переизнакомился с редакцией частной газеты «Сибирь». Конечно, здесь собралась лучшая в городе соборщина, в их числе и молодой учитель гимназии Иван Васильевич Щеглов, писавший серьезные труды по истории Сибири. Это давало надежды и Птицыну, работавшему над книгой о судопроизводстве и уже примерившемся к очеркам о Сибири. Он в служебных командировках видел способ сбора материала: вылезал осматривать места заключения на отрезке тысячи верст и кроме обстоятельств зачастую привез толстую тетрадь рукописанных им арестантских песен. Непосредственное начальство его одобряло, зато «Сибирь» с готовностью напечатала все. Был и еще один господин, вполне оцененный эту работу, – генерал-губернатор Дмитрий Гаврилович Анучин. Сам историк, автор исследований о пугачевском бунте, он невольно смотрел вокруг взглядом ученого, и Птицын сразу же заинтересовал его. Однако Анучин целый вечер наблюдал за ним. Это было на первом «сибирском обеде» в память взыска Ермаков города Искера.

На фоне искренней спичей литератора Василия и иркутского губернатора Носовича пассажи Птицына «об апатии городских дум в деле добывания судебной реформы» показались заучеными и нарочито мрачными. Правильно сразу же высказавшись, молодой юрист замечто поспешил, подсел к кружку сверстников

СПРАВКА

Птицын Владимир Васильевич (псевдоним В. Велиский) (1854–1908), главный иркутский городской дум (1885–1888), присяжный поверенный, действительный член ВСОИРГО. Сотрудничал с местной и центральной прессой («Сибирь», «Восточное обозрение», «Вестник Европы», «Русская беседа»). Автор книг и брошюр: «Обычное судопроизводство крестьян Саратовской губернии» (1886), «Древние адвокаты и наши присяжные цинцероны» (1894), «Пересмотр наших судебных законов» (1895), «Адвокат за адвокатом: ответ на брошюру В.Н. Ильинского «Адвокат против адвокатуры» (1895), «Селенгинская Даурия. Очерки Забайкальско-го края» (1896).

и скоро уже бойко отвечал на чей-то вопрос: «Когда оторветесь от изучения адвокатуры классической дрипосы и примоститесь к титам современных писаных юристов, то будто спущиться с высокого Олимпа со всеми его богатами в трактир. Если у классических ораторов существовали направления, школы, у нас ничего такого нет. Русские ораторские приемы можно разделить на пономарские и просто развальные. Первые достались нам от древних русских юристов, дьяков и подьячих, вторые же мы придумали сами, – он расхохотался и уже через обещок смее резюмировать: «Изучение римского права кладется в основу современного юридического образования, но римское судебное красноречие, его история и теория в современных юридических совах непростоальным образом игнорируются. Что же говорить о приложении красноречия к...»

Но к чему должно было прилагать красноречие, Дмитрий Гаврилович не расслышал, и внимание отвлел губернатор Носович. Несколькими днями позже этот факт в газете, и теми или другими публичными средствами привлекли бы на свою сторону все общественное мнение. Безобразие поступка французского мирового судьи обнаружилось бы как нельзя яснее перед всеми и перед его товарищами судьями.

не адвоката красноречия ко всей общественной жизни. Только такое приложенье, по убеждению автора, и могло спасти от пошлости и падения, совершенно неотъемлемых от адвокатской профессии.

«В суаности, он ведь правильно все излагает, хотя странное дело: соглашались с ним отчего-то совершенно не хочется, – таково было первое впечатление генерал-губернатора. – Он словно бы постоянно призывает к спасению, и при этом не верит в него. Идет от христианских заповедей, но без самой их основы – любви к ближнему. У него все время читается между словами это из Шопенгауэра: «Все мне чужды они, что со мною живут...». Он, когда пишет, слишком отстранен от людей и почти что бесчелуест.»

Анучин хорошо чувствовал Птицына. Он и сам ведь был автор большого исследования о подавлении пугачевского бунта. Но он в первую голову был военный, а уже после историк и писатель. И хотя не без труда, а вводил себя в отделенные рамки. С назначением на службу административную должность начальника края так далеко отодвинул задуманные

труды, что почти и не вспоминал о них. Только изредка делал крошечные пометы, без уверенности, что когда-нибудь сможет их разработать. В этом добровольном самозасуживании была своя большая необходимость: критический взгляд исследователя не давал необходимой уверенности, а значит и концентрации воли, без которой просто не может быть генерал-губернаторства. «Как не получится и практического, полезного, взвешенного юриста из литератора и ученого, – проводил параллель Анучин. – Да, пожалуй, и литератор, и ученый выйдет весьма посредственным, если вовремя не определиться.»

«Где ужасные картины?»**

В номере 24 «Иркутских губернских ведомостей» за 1883 год напечатано, что по предложению генерал-губернатора Восточной Сибири от 8 мая 1883 года кандидат права В.В. Птицын освобожден от исполнения должности стряпчего по уголовным делам. Газета «Восточное обозрение», в ту пору издававшаяся в Петербурге, с готовностью перепечатала это сообщение. И после не раз упрекала сибирскую администрацию в небрежении образованными, трудолюбивыми и порядочными юристами. Анучин на это не отвечал. Его служба в Восточной Сибири завершилась в 1884 году, но в оставшие шестнадцать лет жизни Дмитрий Гаврилович не терял интереса к Сибири, исправно подписываясь на «Восточное обозрение», получая довольно полное представление обо всех иркутских знаках.

Владимир Васильевич Птицын был избран в гласные городской думы, но даже одного срока не отслужил. Впрочем, не пропустил заседаний, активно участвовал в обсуждениях, принимая готовые решения к действующему законодательству. Если возникал адурт вопрос о поднесении адреса, то сразу же обращался к нему, и он тут же, на заседании, набрасывая текст, не требовавший правки. Но это так, между прочим, главным же своим делом он, как и прежде, полагал продвигание судебной реформы. «В одном из последних заседаний иркутской думы, – сообщало «Восточное обозрение» 13 июня 1885 года, – гласный Птицын обратил внимание на местный городской суд, на его взгляд, очень некомпетентный, но при этом весьма затратный. И предложил совместно с сессиями органами местного самоуправления ходатайствовать о введении в некоторых городах мировых судов за счет местного самоуправления. Такие мировые суды, по поднесению Птицына, обошлись бы вдвое дешевле.»

Расходы можно было и уточнить. Но, в сущности, адвокат предлагал вести так, что на четырех года ранее в бытность генерал-губернатором предлагал он, Анучин, в докладе правительству. Что было основой для принятия императорского указа (ВСОИРГО) об увеличении бюджета на заочную службу и кривое своего развития общественного». С подостроумием нетерпимостью клейдил он своих коллег и даже бесплатные юридические консультации с рвухаму записал в «мелочные журналы». Но всего более оторчал Анучина способы поднятия адвокатуры на должную высоту: для этого, считал Птицын, нужно просто искоренить все частных поверенных и задвигнуть на задний план всех явских и немецких адвокатов, которые вызвало се-

Взять и использовать!

Судя по газете, Владимир Васильевич подолгу жил в Катке и увлеченно собирал по всему городу различные предметы религиозного культа, археологические, этнографические, нумизматические коллекции.

«В марте 1888 года вернувшийся в Катку помощник присяжного поверенного Птицын преподнес в дар ВСОИРГО обширную коллекцию из 278 предметов», – сообщила газета «Восточное обозрение».

С 1894 года в Петербурге начал выходить брошюра и книги Птицына. Особенно привлек Анучина труд «Древние адвокаты и наши присяжные цинцероны». Первые его главы явно были набросаны в момент, когда будущий адвокат подражал своим римским кумирам. Но чем дальше, тем витиеватее становился слог. При этом автор сохранил юношескую устремленность: «...отдавать жизнь и кровь своего сердца развитию общественного». С подостроумием нетерпимостью клейдил он своих коллег и даже бесплатные юридические консультации с рвухаму записал в «мелочные журналы». Но всего более оторчал Анучина способы поднятия адвокатуры на должную высоту: для этого, считал Птицын, нужно просто искоренить все частных поверенных и задвигнуть на задний план всех явских и немецких адвокатов, которые вызвало се-

Валентина Реунова

Да, не французы мы...

Отрывки из книги Владимира Птицына
«Древние адвокаты и наши присяжные цинцероны»

Руководят и заводуют у нас присяжными поверенными и их помощниками советы. Если рассмотреть деятельность этих учреждений с точки зрения их общественного значения и пользы, рассмотреть, какие идеалы и принципы внушают они, как развивают и по какой дороге ведут присяжную адвокатуру, старается ли о расширении ее прав, добиваются ли необходимых реформ в ней, то придется сознаться: советы присяжных за все время своего существования не дали никакой присяжной адвокатуре «ни мысли похвальной, ни геня начато труда» в самом горяком смысле этого прекрасного лермонтовского деления. Нельзя сказать, чтобы советные происходят от многих причин, но главным образом от того, что попадающие туда старики из корпорации не считают себя обязанными работать без устали, без страха и упрека, чтобы оставить корпорацию после своей смерти не что хорошее, вечное, за что можно было бы помянуть их добром, а починают там на лаврах, благо по большей части это люди весьма старые, и их молодых же советы присяжных пролезают чаще всего юрика люди, легко добивающиеся этого избрания среди обшей и глубокой индифферентности корпорации к своим высшим интересам, люди, все этика которых опирается на три столба: гонорар, куад, выходящее дело. От них и спрашивать нечего, ибо ни чего не дано.

До чего наши советы присяжных поверенных представляют собой учреждения писарские и боятся всякой общественной инициативы, видно хотя бы из следующего случая. Недавно один мировой судья, рассердившись за что-то на присяжного поверенного (решил это без всяких оснований), приказал вывести его из камеры, что и было исполнено очень грубым и оскорбительным образом. Можно себе представить, что сделали бы представители адвокатской корпорации во Франции, если бы там произошел такой же скандал, задевающий честь корпорации! Конечно, представители французской адвокатуры стали бы устраивать общие собрания, сходки, дебаты, этот факт в газете, и теми или другими публичными средствами привлекли бы на свою сторону все общественное мнение. Безобразие поступка французского мирового судьи обнаружилось бы как нельзя яснее перед всеми и перед его товарищами судьями.

Хотя и не в тех широких размерах, как во Франции, но по тому же пути мог пойти и совет присяжных того округа, где произошло столкновение мирового судьи с адвокатом, и этот путь пошел бы у нас приблизительно к аналогичным результатам; самоуд-судья был бы публично осмеян и вперед он и его товарищи стали бы куда как величие в обращении с присяжной адвокатурой. Но, видно, то, что является обыкновенным для французских адвокатов, не было представлено даже публичными средствами адвокатуры. У нас инцидент этот разрешился тем, что совет на помощь обиженному судьей адвокату откомандировал своего члена. И пошли они вдвоем писать и подавать куда там полагается. Клиенты эти получили газету, и там и началась история, какою-нибудь разъяснением митингом по значению и результатам.

Во времена моего студенчества я звал одного народного адвоката в Орловской губернии. Это был старик с огромной бородой, ходил и летом, и зимой в валенках и в шапке. Вид у него был серьезный, даже суровый, звали его все Даниилом, а сам он рекомендовался отставным канцеляристом четвертого разряда. Дома он не принимал, да и являлся домой только вечером, но много дней проживал, принимая клиентов и сочиняя прошения в двух кабаках на большой дороге из Орла в Ливны. Никогда он денег со своих клиентов-мужиков не брал, а брал у него такса: за прошение к мировому – копейка водки и Синод – полукопек, на выходящее же – бутылка кабаньей наливки. А юридические советы он подавал даром, либо за «спивки», то есть за то, что пролется на поднос из налитого с верхом стаканчика водки.

Писал Даниилин витиевато и напыщенно до конца. Нередко эти бумаги оставались без рассмотрения, потому что написаны были неправильно или не туда адресованы. Но при всем том он был грозно не только урядником и старшином, но и некоторых станových приставов, не по чину Беруших или стравляющих два раза в год своим именем. Так вот однажды становой вручил ему письмо из Петербурга: полиции предписывалось обязать народного героя жалоб более не писать.

Даниилин попросил копию этого письма и вскозь дешифровал ее как указ, привлекая при этом, что его знает и высокоше: «Вы Даниила только на канниках видите, а мы его давню зыном!»

